

Бессчетнов, Е. И. Друга прикроет друг.. // Бессчетнов, Е. И. В небе Афганистана : Рассказы о героях / Е. И. Бессчетнов. — Куйбышев : Кн. изд-во, 1990. — С. 27–46.

ДРУГА ПРИКРОЕТ ДРУГ...

Крохотный аэродром-«пяточок», тесно зажатый высокими скалистыми горами в долине. На стоянке зеленобокие вертолеты Ми-8 в пестрых разводах, с опущенными концами лопастей. Возле них хлопочут летчики, штурманы, техники, механики, занятые подготовкой к полетам. Поодаль невзрачная постройка с облезлой штукатуркой, в сторонке от нее автомобили с радиосредствами, палатки — вот и все его хозяйство. Командир эскадрильи майор Щербаков обвел взглядом аэродромчик, винтокрылые машины, проследил, чем заняты люди, повернулся к своему заместителю капитану Льву Туктареву.

— Что-то сегодня тихо с утра, спокойно, — обронил он, несколько озадаченный, что в этот раз действительно что-то долго никого не поднимают.

— Посмотрим, что дальше будет, — в тон ему ответил Туктарев, прищурив воспаленные от недосыпания глаза.

Комэск остро чувствовал ответственность, возложенную на его эскадрилью. На долю авиаторов выпали нелегкие задачи — сопровождать в Афганистане транспорты, доставляющие из СССР и стран социализма народнохозяйственные грузы, переправлять по воздуху хлеб, муку, топливо, одежду и прочее в отдаленные кишлаки, отрезанные от центральных провинций горами и снегами. И, конечно, приходится прикрывать подразделения афганских войск или наши наземные подразделения при их передвижении по дорогам, решении тех или иных задач.

— Может, не понадобится? — Щербаков косо поглядывает от своего пятнистого вертолета в сторону командного пункта, устроенного на крыше единственного тут помещеньца.

— Думаете, нам судьба подбросила на сегодня выходной? — улыбается Туктарев. — Вряд ли, командир. Уже не помню, когда и отдыхали нормально. С тех пор, как вступили в Афганистан, ни одного выходного...

Туктареву не надо было объяснять, что имел в виду комэск, произнося слово «понадобится». Несколько дней назад банда душманов, стремясь любой ценой помешать доставке мирных грузов для местного населения и обрежь его на голод, обрушила взрывом карниз горы на довольно большой участок, нависший тут над единственной автодорогой, завалив ее. Ни проехать, ни пройти. Прекратился подвоз самого необходимого для жизни. Пока советские саперы занимались расчисткой завала, используя мощную землеройную технику, им, вертолетчикам, ежедневно приходилось подниматься в небо — перевозить грузы, с которыми не могли дальше пройти колонны, прикрывать саперов с воздуха, когда душманы, подкравшись по тайным тропам к завалу, начинали издали обстреливать их. Ни дня покоя. Но сегодня с утра пока что спокойно. Может, отказались от затеи помешать? Что-то не верится. Не из тех они — злы, фанатичны, мстительны...

Из домика к ним на стоянку направился среднего роста, широкоплечий, скуластый летчик в меховой куртке — замполит эскадрильи капитан Владимир Копчиков. Вместе с активистами он выпускал стартовку и теперь, очевидно, освободился. На ходу посмотрел на зимнее облачное небо, на раскапаченные вертолеты, облепленные специалистами, с заметным удивлением сказал:

— Смотри-ка, вроде бы тишина.

— Не перед бурей ли? — вопросом ответил Туктарев.

На его лице комэск заметил следы усталости: ежедневно по пять-шесть, а то и более вылетов, огромное нервное напряжение, особенно когда попадаешь под обстрел мятежников, а сколько приходится заниматься организаторской работой! На отдых — считанные часы. Прикорнет в вертолете на холоде или в палатке — вот и весь отдых, а с рассветом снова в полет.

Впрочем, и ему, командиру эскадрильи, не легче, более того — труднее. И летает не меньше других, и за порядком в коллективе следит, направляет всю жизнь и деятельность коллектива и занимается решением разных организаторских и хозяйственных вопросов.

— Ну как, готово? — остановил он взглядом своего бортехника капитана Владимира Гусака. — А то могут внезапно поднять.

— Сейчас радисты проверят настройку канала — и машина готова к вылету.

— Поторопите их.

Щербаков скрипнул своей кожанкой. Отпустил тут, в Афганистане, себе усы, бороду, черную, курчавую. Вот бы увидела Галина — не узнала бы. Василий Васильевич чувствует, как на ветру, морозном и сухом, под непривычным южным солнцем, даже зимой стоящим в зените, кожа его огрубела, губы потрескались, временами наваливается неимоверная усталость. Но чаще в душе какой-то особый подъем.

Но решать задачи тут не так-то просто. Нет четко прочерченной линии фронта, как бывало всегда в войне, хотя бы и необъявленной: тут — свои, там — враги... Взлетел с аэродрома «пяточка» — и можешь оказаться в боевой обстановке. В любой момент тебя могут обстрелять. Обстановка сложная, но ребята держатся молодцом, понимают, что, находясь тут, в соседней стране, они не просто оказывают интернациональную помощь ее народу, но и защищают свою Родину, ее южные рубежи.

Размышления комэска прервала команда, поступившая с КП:

— Звену — на вылет!

Вот и кончилась короткая передышка, все-таки понадобились они. Значит, где-то опять беспокойно. Майор Щербаков оставил за себя на аэродроме капитана Туктарева, а сам, отобрав самых надежных летчиков, в том числе и только что подошедшего заместителя по политчасти, на ходу бросил: «По машинам!» — и кинулся в кабину своего вертолета.

Запустили двигатели, взлетели. Курс полета звена, как и предполагал комэск, вел их к тому завалу на дороге. Видимо, наши саперы снова нуждаются в защите. Наверняка душманы опять предприняли обстрел и надо отогнать их.

Он проверил, как идут ведомые, — четко, ровно, уверенно. Хорошие у него подобрались люди, смелые, решительные, глубоко сознающие свой долг. На любого можно положиться в трудную минуту. А может быть, это он, комэск, так поставил дело в своем коллективе? Не ограничивается тем, что разъяснительную работу ведут замполит, члены партийного бюро, сам нередко выступает перед личным составом. Не раз он знакомил летчиков, техников, авиаспециалистов с фактами садистских зверств и бессмысленной жестокости, чинимых душманами над своими противниками. Кровь закипала в жилах, когда видели следы их преступлений на афганской земле. Знакомство с такими фактами не проходит бесследно. Крепнут воля, решимость, отлетает все легкое, наносное.

...Шли на малой высоте, над крутолобыми сопками, покрытыми в низинах неровным слоем снега. Над головой — низкая облачность. Вот впереди завиднелось то самое ущелье, вдоль которого вьется речушка, принявшая на свои берега ленту асфальтированной дороги. Она идет то по одной стороне, то, перебросившись через мосток, тянется по другой. А вот и завал, за которым чуть дальше кишлак в горах, раскиданный вдоль долины. Саперов не видно, укрылись. Только кое-где вспыхивают огоньки автоматных выстрелов: отражают нападение душманов.

Еще на подходе к району майор Щербаков связался по радио с командиром саперного подразделения. Нагрянула банда, сообщил тот, причем очень крупная. Даже трудно подсчитать, сколько. Хорошо вооружена. Пулеметы, гранатометы, автоматы, буры... Кажется, предпринимаются решительные действия.

Едва вертолет ведущего приблизился к завалу, как мятежники открыли по нему огонь. Трассы потянулись и к другим винтокрылым машинам. Вспышки выстрелов видны там и тут на противоположном склоне: там мятежники. И надо отстреливаться, отражать нападение. Предчувствие не обмануло его: душманы действительно на этот раз весьма тщательно подготовились к удару. Понял это не только по информации командира саперного батальона. Было заметно, что огонь по засевшим в обороне саперам, по вертолетам они ведут организованно, продуманно, по какой-то своей системе.

Увлекая за собой ведомых, Щербаков шел в атаку на одну огневую точку, на другую, чтобы заставить их замолчать. За ним неотрывно следовал его ведомый, капитан Копчиков, прикрывая его от огня мятежников, добавляя к его удару свой.

Вдруг Василий Васильевич услышал по радио тревожный голос ведомого: его вертолет подбит, он идет на вынужденную посадку...

— Дотянешь до кишлака? Видишь, там площадка? Постарайся дотянуть, — распорядился комэск, помня, что кишлак этот мирный, всегда хорошо принимал наших саперов, летчиков. — Ты понял? В центр кишлака! Я тебя прикрою...

Да, пожалуй, только в центре кишлака и можно было сесть, вокруг же лишь скалы, теснины, обрывы. Упадешь — разобьешься. Оценивая обстановку, Щербаков успел заметить, какой именно расчет крупнокалиберного пулемета подбил машину ведомого, из той вон расщелины на противоположном склоне ущелья, что по правому борту. Он круто развернулся и устремился в атаку на душманскую огневую точку. Прицелился, нажал кнопку — и пучок НУРСов¹, оставляя за собой тающий огненный след, вонзился в то место, откуда только что бил пулемет мятежников. В расщелине закипело фиолетово-оранжевое пламя.

А тревога за ведомого не оставляла его. Щербаков сразу, как только вышел из атаки, направился следом за Копчиковым, чтобы прикрыть его. Справа и слева — ребристые стенки гор, как помятая фольга. Лишь там, в неширокой долине, где раскинулся кишлак, есть более или менее удобная площадка. Летом долина, наверное, вся в зелени, сейчас же ее укрывал снег. Виднелись только плоские крыши сложенных из камня приземистых слепых домов, местами огороженных дувалами.

Оставляя за собой дымный след, вертолет Копчикова круто шел на снижение. «Успел бы дотянуть», — молил судьбу комэск, следуя за ним. Он опасался, как бы машина не взорвалась в воздухе, не дотянув до места.

¹ НУРС — неуправляемый реактивный снаряд.

— Смотри, смотри, командир, что творится, — указал в сторону кишлака летчик-штурман капитан Юрий Лебедев, секретарь партийной организации эскадрильи.

И тут нечто более тревожное завладело вниманием комэска: по вертолету Копчикова стреляли из кишлака. В нескольких местах он заметил злые огоньки выстрелов. Неужели поселок захвачен мятежниками? Что же, выходит, замполит садится прямо в их расположение? Никак не ожидал этого...

— Там душманы! — обеспокоенно произнес Лебедев.

— Сам вижу! — коротко бросил комэск. Охваченный сильнейшей тревогой за судьбу боевых товарищей, он прибавил обороты и туда! Ракетами, пулеметами попытался отогнать выскочивших невзгод отсюда бандитов, бросившихся к только что приземлившемуся вертолету.

— Держитесь, ребята! Выручим. Постарайтесь продержаться!

Он не знал, услышал ли его Копчиков, не получил от него ответа, но был уверен: замполит эскадрильи и его экипаж не растеряются в критическую минуту. Знают, верят, что их не оставят в беде, непременно выручат. И он, майор Щербаков, спешит им на помощь, спешит, хотя слышит, как по обшивке щелкают пули. Душманы откуда-то все же обстреливают его из автоматов. В грузовой кабине, заглушая эти щелчки, поминутно раздается сухой треск выстрелов. Это бортехник капитан Гусак вместе с воинами, находившимися на борту, из пулеметов, установленных на шкворневых установках — по два с каждой стороны — заставляют мятежников замолчать.

Пока Щербаков шел на посадку, вторая пара вертолетов, возглавляемая капитаном Владимиром Оболониным, быстро сориентировалась в обстановке, на время оставила в покое душманские огневые расчеты напротив завала и направилась сюда прикрыть его, командира. «Хорошо, горьковский мужичок! Молодчина, Оболонин!» — заметил Щербаков на развороте пару, почувствовав теплую волну в душе. Он не сомневался, что Оболонин с напарником надежно прикроют его с воздуха, а вот как быть с экипажем Копчикова, не мог бы уверенно сказать. На борту его машины четверо: помимо членов экипажа еще офицер, вылетавший на ознакомление с обстановкой. Все в опасности. Душманы пока не решаются приблизиться к их вертолету, возможно, надеются, что он, продолжая гореть, скоро взорвется. Но долго ли так будет? К сожалению, подсесть к ним ближе он не может — вполне реальна опасность самому быть сбитым.

Идя на посадку, Щербаков увидел на снегу четыре фигуры, распластанные под источавшим дымный шлейф вертолетом. Понял: это наши ребята заняли круговую оборону. Что ж, логично. Не растерялись, полны самообладания. Выдержка у них крепкая. Сцепив зубы, он вел винтокрылую машину на посадку, уверенный, что все выдержит, вынесет любое испытание.

Приземлился метрах в ста двадцати. Справа и слева по бортам по-прежнему гулко трещали пулеметы, не давая душманам возможности высунуть голову из-за дувалов. Копчиков и его парни, где ползком, а где и перебежками, приближались к его вертолету. Вот по откидной лесенке в распахнутую дверцу грузовой кабины взобрался один, второй, третий. Наконец, все заскочили — можно взлетать. Увеличил обороты винта, не теряя ни секунды, пошел на взлет. Между гор тесно, а тут еще огонь душманов. Однако быстро развернулся, уходя все дальше и дальше от тянувшихся ему вслед свинцовых трасс. Хорошо, что пара Оболонина, действуя смело и решительно, надежно прикрыла его и на посадке, и на взлете, и на выходе на обратный курс. Боевая выручка!

На пути к ущелью, где продолжали обороняться саперы, ему встретилась группа вертолетов, возглавляемая капитаном Туктаревым. Она шла на смену его звену. А перед тем как сесть на своем аэродроме, увидел еще одну группу: ее вел майор Вячеслав Гайнутдинов.

В тот день замполит с экипажем больше, естественно, не летал, но авиаторы эскадрильи как бы восполнили их вклад, сделав по несколько боевых вылетов на выручку боевых товарищей-саперов. Прикрывали их с воздуха до тех пор, пока сюда не подоспели подразделения афганских пехотинцев, которые с ходу вступили в бой с мятежниками. Значительная часть бандитов нашла бесславленную смерть, остальные, видя бесплодность борьбы, вынуждены были сложить оружие.

А что было дальше? Не помешали душманы расчистке дороги? Об этом я и спросил у Василия Васильевича Щербакова.

— На какое-то время работы, конечно, приостановились. Но в конце концов саперы расчистили завал, восстановили полотно дороги и по трассе снова пошли колонны машин с народнохозяйственными грузами. Душманы, получив хороший урок, предпочитали здесь больше не появляться...

С Василием Васильевичем мы встретились в Москве после того, как он, закончив службу в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане, возвратился на Родину, был уже Героем Советского Союза, слушателем Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина, подполковником. Беседа с таким человеком всегда интересна, особенно для журналиста. Хотелось обстоятельно поговорить с ним, подробнее расспросить его о пути в авиацию, о службе. Однако успел лишь узнать об этом вот эпизоде из его летной биографии, о котором уже был наслышан. А больше не позволяло время: через несколько минут должна была начаться встреча, посвященная Празднику Победы.

На встрече первыми выступали участники войны — прославленные асы. Затем председательствующий с теплыми нотками в голосе предоставил слово подполковнику В. Щербакову, представителю послевоенного поколения летчиков. С Золотой Звездой на тужурке, рослый, широкоплечий, с крупными чертами лица, он, сдерживая подступавшее волнение, уверенным шагом направился к трибуне.

Все, и ветераны, и молодежь, с живым интересом устремили взоры к Щербакову, который, выйдя к трибуне, на секунду задумался, как бы собираясь с мыслями.

— Ваша мужественная борьба за честь, свободу и независимость нашей Советской Родины, героические подвиги, совершенные в огненном фронтовом небе, — произнес он взволнованно, обращаясь к участникам войны, — для нас, наследников боевой славы, всегда будут служить немеркнущим примером для подражания.

От имени авиаторов нового поколения он заверил собравшихся, что нынешние летчики, штурманы, инженеры, техники и впредь будут высоко нести принятую от фронтовиков эстафету верного служения Отчизне, приложат все силы для поддержания оборонной мощи страны на должном уровне.

— Вы можете быть спокойны: охрана мирного труда советского народа в надежных руках! — произнес он и сошел с трибуны.

Вспыхнули аплодисменты. Ему, офицеру, прослужившему в авиации немногим более десяти лет, рукоплескали маршалы авиации, боевые генералы, прославленные летчики, державшие когда-то испытание в суровом фронтовом небе. Едва Василий Васильевич возвратил-

ся в президиум, как сидевший впереди него трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб в искреннем душевном порыве круто повернулся к нему, крепко обнял его, прижал к своей груди, выражая тем самым глубокую признательность ему за верную службу.

Выступление подполковника В. Щербакова на встрече ветеранов авиации было всеми воспринято с особым удовлетворением, пожалуй, прежде всего потому, что сам он, несмотря на молодость и сравнительно короткий стаж, по величию свершенных им ратных дел поднялся вровень с ними, людьми, прославившимися немеркнущими подвигами во имя Отчизны.

Снова с Василием Васильевичем мы увиделись неделю спустя тихим ласковым майским утром. Накануне прошел дружный весенний дождь. На асфальте поблескивали лужицы, отражая редкие кучевые облака. Промытый воздух был удивительно чист и свеж. Всюду растекался терпкий запах прогретой солнцем хвои, цветущих трав. Идти тенистым парком, через который вела дорога, было одно удовольствие. И подполковник Щербаков, на днях защитивший дипломный проект, кажется, впервые за четыре года напряженной учебы в академии по-настоящему почувствовал отдохновение от неотложных дел и забот.

От дней сегодняшних разговор перекинулся к прошлому, к тем временам, когда Василий Васильевич юношей выбирал свой жизненный путь, проверял правильность выбора.

В 1968 году он окончил десятилетку и стоял перед выбором: чему посвятить свою жизнь? Вместе с друзьями детства Владимиром Ефимовым, Юрием Костюковым и Александром Бутелем (кстати, все они теперь служат в авиации) Василий решил поступить в летное училище. Но родители — отец Василий Иванович, участник партизанского движения в Белоруссии, а позднее инженер совхоза «Туровлянский» Полоцкого района Витебской области, и мать Вера Ивановна, на себе испытавшая ужасы минувшей войны, — настаивали, чтобы он пошел в гражданский вуз: в Новополоцкий политехнический институт. Ослушаться родителей? Не в его правилах. Но и поступиться своей мечтой он не мог. Василий, уверенный, что его призвание — авиация, нашел компромиссное решение: как и настаивали родители, подал документы в институт, но вступительные экзамены завалил и с друзьями направился в военкомат.

Молодых людей там ждало разочарование.

— Все направления в летные училища уже распределены, — сказал им военком. Заметив на их лицах огорчение, предложил: — А не хотите пойти в военно-морское? Можем послать в Ленинград, в Севастополь. Служить морским офицером не менее почетно и интересно, чем быть военным летчиком.

— Нет, мы только в летное! — за всех ответил Василий.

Видимо, чувствуя их глубокую душевную привязанность к летному делу, военный комиссар посоветовал им:

— Если уж вас так тянет в небо, можете, если не поздно, попытать счастья в аэроклубе, испытать себя...

— Это мысль! Спасибо! — точно сговорившись, воскликнули ребята и бросились в аэроклуб ДОСААФ,

К сожалению, и тут их постигла неудача. Набор уже состоялся. Надо ждать следующего. А он только на другой год. И с институтом провал, и тут ничего не получилось... Казалось бы, вставшие на пути Василия Щербакова препятствия должны были охладить его пыл. Мол, не повезло пойти в летчики, не беда, других замечательных профессий немало, стоит ли огорчаться?

Однако он отгонял подобные мысли. Решил переждать срок и снова попытаться счастья. А пока можно и поработать на производстве.

В Новополоцком монтажном управлении треста «Нефтезаводмонтаж» тогда очень нужны были рабочие руки. Василий, поступив сюда, довольно-таки быстро освоил специальность слесаря-монтажника, получил разряд, сменные задания выполнял на 130—140 процентов. Здесь, в монтажном управлении, он прошел школу трудовой и нравственной закалки, возмужал духовно и физически, стал на твердую жизненную позицию.

Когда подошел срок, Василий записался в аэроклуб. С увлечением изучал вертолет, осваивал технику пилотирования. Каждый полет доставлял ему истинное наслаждение. Его увлеченность не укрылась от тех, кто обучал его летному делу. Летчик-инструктор Г. Машенков, командир звена А. Суворов и командир эскадрильи В. Лацапнев, рекомендуя его для дальнейшего обучения летному делу, высоко отзывались о нем.

В большую авиацию путь открывала служба в рядах Вооруженных Сил. Василий подал рапорт руководству аэроклуба: «Прошу вашего ходатайства о зачислении меня в кадры Военно-Воздушных Сил в добровольном порядке. Обязуюсь служить в любой точке территории Советского Союза».

В сентябре 1970 года офицер В. Щербаков прибыл в одну из авиационных частей Среднеазиатского военного округа. Приняв от него зачеты, командир отдельной вертолетной эскадрильи майор А. Лунин с теплыми нотками сказал:

— Порадовали знаниями.

Он и в службе продолжал радовать командиров и товарищей. Прослужив два года, Василий, как не имевший законченного летного образования, экстерном сдал экзамены за полный курс Сызранского высшего военного авиационного училища летчиков.

К тому времени понадобилось направить нескольких авиаторов на вертолеты Ми-8, и Щербаков, мечтавший работать на более мощной боевой технике, незамедлительно воспользовался такой возможностью. Правда, пришлось сменить обжитое место службы.

В новом коллективе Василий, как и ожидал, встретил внимание и поддержку со стороны опытных летчиков, щедро делившихся с ним секретами летного мастерства. Здесь, на новом месте, стал семейным человеком. Жизнь как бы наполнилась новым содержанием.

Различные задачи приходилось решать. Не раз экипаж помогал целинникам в уборке урожая, приходил на выручку пограничникам, спасал альпинистов. Случалось, принимал участие в борьбе со стихийными бедствиями. Как здорово это пригодилось позднее, когда они пришли на помощь народу братского Афганистана. В память Василия Васильевича особенно врезались первые полеты, первые встречи с местным населением, первые впечатления.

...Кишлак раскинулся у подножия гор, недалеко от входа в Куфабское ущелье. Отыскать его не составляло труда. Майор Щербаков, шедший впереди группы вертолетов, издали увидел приземистые глинобитные домики с плоскими крышами. Перед вылетом ему довелось поговорить с представителями народной власти провинции. От них узнал о бедственном положении в этом отдаленном кишлаке. Местных жителей донимали банды контрреволюционеров. А тут еще зима выдалась суровая, снежная. Горные дороги занесло. Люди бедствовали, жестоко страдали от нехватки продуктов. Особенно плохо было с солью: во всем селении не осталось ни крошки... И вот теперь вертолетчики его эскадрильи везли сюда самое необходимое для жизни.

Весть о прилете советских авиаторов разнеслась с быстротой молнии. К ним люди потянулись отовсюду. Снег, мороз, злой ветер с гор, а люди, одетые кто во что, идут и идут! На лицах — улыбки, глаза светятся радостью: наконец-то они дождались помощи, защиты!

Много раз потом майор Щербаков с другими экипажами эскадрильи летал в населенные пункты, разбросанные по горным долинам Гиндукуша, доставляя афганцам продовольствие, одежду, обувь, подарки от советских людей. Когда обстановка требовала, они приходили на выручку и воинам афганской армии. Так было, например, когда душманы зимой 1980 года перекрыли дороги, ведущие к городу Файзабад, расположенному среди отрогов Гиндукуша. Прекратился подвоз продовольствия, одежды, обуви, медикаментов. Появились даже случаи гибели людей от голода. Связь с внешним миром поддерживалась только по воздуху.

— В тот напряженный период, — рассказывал мне

Василий Васильевич, — мы почти каждый день доставляли в город продовольствие, а главное, снабжали всем необходимым афганский пехотный полк, прикрывавший город от налетов банд. А обратными рейсами обычно увозили раненых в свой полевой госпиталь.

Слушал я летчика, и из головы не выходила фраза, оброненная им еще при первой встрече, «прикрыть друга»... Слушал и ловил себя на мысли: а ведь по существу Щербаков и авиаторы его эскадрильи прикрывали друзей. Афганских крестьян, спасая их от голодной смерти. Афганских пехотинцев, снабжая их всем, что необходимо для успешной борьбы с мятежниками. Советских воинов — мотострелков, десантников, саперов, защищая с воздуха от огня бандитов.

Прошу Василия Васильевича подробнее рассказать об этом. Памятен ему такой случай. Афганский пехотный батальон очищал от нагрянувшей банды басмачей кишлак Чахи-Аб. Солдаты под руководством офицеров прочесывали дом за домом, отыскивая затаившихся тут душманов. В одном месте, в другом вспыхнула перестрелка, разгорелся бой, появились раненые. Щербаков, узнав, что афганским пехотинцам требуется помощь, первый в паре поднялся в небо. Знал, что раненных придется забирать оттуда, где еще не стихла перестрелка. Можно и самому пострадать, но его больше занимало другое: как за один рейс побольше вывезти раненых.

По обшивке вдруг простучала характерная дробь: душманы обстреляли вертолет. Однако майор Щербаков, прикрытый сверху ответным огнем ведомого, продолжал снижаться, направляя машину на центральную площадь кишлака, где можно было сесть. Приземлился, забрал раненых — и срочно взлет! К счастью, управление и жизненно важные системы не были задеты. Экипаж благополучно доставил раненых в военный госпиталь.

Экипажем осмотрели машину, и снова в полет. Не просто это, когда знаешь, что подвергаешь себя смертельной опасности. Но долг превыше всего, и экипаж Щербакова смело шел туда, где еще продолжался бой, где афганским воинам требовалась его поддержка и помощь,

И, конечно же, часто приходилось прикрывать наших мотострелков. Они как жили? Выбрали бросовый, не пригодный для возделывания безжизненный участок где-нибудь у подножия гор, раскинули палатки, развернули походный военный городок, и можно жить. Потребовала обстановка — быстро снялись, перебрались на другое место. Так было и в тот раз. Мотострелковый батальон колонной двигался по горной дороге, меняя место дислокации. Впереди — командно-штабная машина с авианаводчиком в кузове.

Вертолетчики эскадрильи, предупрежденные заранее, знали об этом. Но если обычно при их передвижении винтокрылые машины висели над ними, то на этот раз ненастная погода загнала

их на аэродром. Небезопасно было летать в такой день. Правда, хотя и сидели на земле, но все же боевые машины держали в готовности к вылету. И не напрасно. Командный пункт, получив тревожное известие от авианаводчика о нападении крупной душманской банды на мотострелковый батальон, дал команду на вылет.

Как бы ни была сложна метеообстановка, а коль случилось нападение, тут уж свои интересы в сторону. Надо выручать боевых товарищей, прикрыть их от удара бандитов. Несколько секунд, и Щербаков со своим экипажем занял место в вертолете, в соседней машине — экипаж его ведомого, замполита эскадрильи. Запущены двигатели, винтокрылые машины стартуют под низким облачным небом, сеющим мелкий дождь, по командам авианаводчика идут в указанный район.

Двигались так: майор Щербаков впереди, ведомый следом за ним на дистанции прямой видимости в 800— 1000 метров. Комэск первым вышел к колонне. На дороге горели подбитые душманами машины. Там и тут вспыхивали огоньки выстрелов. Кто-то из мотострелков, обороняясь от бандитов, вел огонь из бронетранспортеров и боевых машин пехоты, кто-то стрелял, укрывшись за камнями вдоль дороги.

Отыскивать душманов Щербакову не пришлось: как только они услышали звук вертолетных двигателей, из долины, где перехватили колонну, сразу шарахнулись в горы, к ущелью. Видит Щербаков: неорганизованная толпа в разномастной одежде прет в горы на лошадях и в пешем порядке. Верхушки гор плотно закрыты облаками, а впереди — узкое ущелье. И туда пытаются улизнуть бандиты.

Но вертолет все ближе и ближе. Душманы, кто упал с коней, кто залег за валунами, кто бросился в распадки ущелья, кто опрокинулся на спину и стреляет по приближающемуся вертолету, пытаясь подбить его. Василий Васильевич в один момент почувствовал, что машину сильно тряхнуло. Не иначе как попадание. Правда, управление работает нормально. И все же тревога закралась: не упасть бы подбитым... В ответ на огонь бандитов он дал несколько залпов НУРСами. Надо бы добавить, но поздно, проскочил. Ущелье настолько тесное в этом месте, а облака нависли так низко, что не развернуться. Чтобы нарастить силу удара, передал ведомому:

— Теперь ударь ты. А я вперед!

Майор Щербаков, проходя над толпой душманов дальше в ущелье, успел увидеть под собой, как после его команды ведомому бурляще заметалось пламя разрывов снарядов. «Молодец, замполит, хорошо отработал. Точно по цели!» — с удовлетворением отметил он про себя.

Если судить по карте, ущелье должно быть прямым, на самом деле оно изобилует поворотами. И чем дальше Щербаков шел, тем выше поднималось его дно, тем ближе становились облака. И еще тревожило: что с вертолетом, пробоина в хвостовой балке? Рискованно так идти, а машина ведомого, судя по всему, не задета. Зная, что Копчиков, успешно отработав по цели, тоже проскочил вперед и идет за ним под облака, комэск быстро оценил обстановку, передал ведомому:

— Попробуй развернуться, пока не влезли в облака. Еще разок зайди в атаку. А я — на «точку». Меня задели. Как понял? Прием...

— Понял, командир. На разворот. Еще заход. Помогу ребятам, а ты возвращайся.

Щербаков потянул ручку управления на себя, стараясь с минимальной поступательной скоростью (чтобы не столкнуться с горами) и с максимальным набором высоты пробить облака, потом, когда они остались внизу, взял курс на свой аэродром. Переживал за ведомого. Как он там, один? Хорошо бы поднять еще пару экипажей, но уж слишком погода скверная. Не хватало еще нажать небоевую потерю! А Копчиков достаточно подготовлен для таких метеоусловий, должен справиться!

Совершив посадку, он не мог успокоиться до тех пор, пока не увидел его вертолет, возвращавшийся с задания.

— Ну что тут у вас? — осведомился ведомый, спускаясь из кабины на землю.

— Взгляни сам, — предложил комэск.

— Ммм-да-а! Вот это поклевали! — удивленно протянул Копчиков: в обшивке машины Щербакова было несколько пулевых пробоин, а в хвостовой балке — дыра вблизи тяг управления.

— Лучше расскажи, как у тебя, — предложил комэск.

— Нормально. Прикрыл мотострелков. Теперь пройдут через опасный участок. Уверен, душманы больше не сунутся...

Саперы... Им тоже часто приходили на выручку. Памятен Василию Васильевичу такой случай. Дорога в Кара-Камаре вьется по вырубленной вдоль склона террасе на большой высоте. Крутизна склона под 80 градусов. Душманы на одном из участков взрывом обрушили эту «полку», вместо дороги глубокий провал... И наши саперы вгрызлись в скальный грунт, чтобы вырубить новую террасу и протянуть по ней дорогу. Вот тут-то душманы часто и подкарауливали их, обстреливая с противоположного склона. А вертолетчики эскадрильи Щербакова почти постоянно крутились возле них, не давая бандитам приблизиться.

Прокладка участка дороги подходила к концу. Да и душманы уже несколько дней не напоминали о себе. Может, оставили саперов в покое? «Вот вам радиостанция. Если будет опасность — вызывайте», — сказал Василий Васильевич комбату при последней встрече. Хотелось надеяться, что душманы больше не заявятся. Увы, под вечер с КП передали:

— Саперы просят подмогу. Снова обстрел...

А уже начинало темнеть. Молодежь не поднимешь в воздух. Снова ведомым взял с собой замполита — ив воздух. Пришли. Бандиты будто бы исчезли. Ни одного выстрела. Но едва вертолеты прошли дальше по ущелью, как они возобновили огонь по саперам. Пришлось срочно разворачиваться. Откуда стреляли, не определить, опоздали. Покрутились, покрутились — безрезультатно. Только отошли в сторонку — снова выстрелы с противоположного склона. Но эту огневую точку авиаторы успели засечь. И скоро накрыли точным ударом. Потом уничтожили еще одну, заметив ее по острым огонькам выстрелов.

И так ходили до сумерек, прикрывая саперов от душманского огня. Потом на время их сменила пара, возвращавшаяся с задания. Слетали на аэродром, дозаправились, вернулись. И только уже с наступлением темноты четверка вертолетов по ущелью пришла на аэродром. Было, конечно, трудно, однако все испытывали моральное удовлетворение: это благодаря их поддержке с воздуха саперы смогли закончить прокладку участка дороги, увести в безопасное место свою технику.

Что касается взаимовыручки самих авиаторов, то она была почти в каждом полете. Появится малейшая опасность — идут друг другу на помощь. Щербаков сам несколько раз

выручал подчиненных, как это было с экипажем капитана Копчикова, следил, чтобы и остальные поступали так же. Ведь если люди знают, что их не оставят в беде, выручат, спасут, то как это окрыляет их, какой дает простор для проявления смелости, решительности, боевой дерзости! В эскадрилье было хорошо развито чувство локтя, создана обстановка высокой сплоченности и единства. «Сам погибай, а товарища выручай!» — этот девиз помнил каждый, кто уходил на боевое задание.

...В тот раз авиаторы эскадрильи поддерживали с воздуха афганский пехотный батальон, выбивавший мятежников из Бахарака, незадолго до этого захваченного ими. Началась перестрелка. Вертолет капитана Юрия Власова был подбит и пошел на вынужденную посадку. Ведущий группы, намереваясь забрать на борт к себе экипаж подбитой машины, направился к нему, но сам попал под сильный зенитный огонь. Его борттехник был тяжело ранен. Тогда на выручку боевым товарищам пошел капитан Владимир Оболонин. Трассы свинца протянулись к его вертолету, была опасность, что и его могут подбить. Однако Оболонин, презирая опасность, под прикрытием других экипажей, продолжал снижение, подавляя на ходу огневые точки мятежников. Сел поблизости от вертолета Власова, дождался, когда его экипаж поднимется в грузовую кабину, и взлетел. На глазах у них пылавший вертолет Власова взорвался, разметав подбежавших к нему душманов. Но экипаж подбитой машины был уже вне опасности.

Позднее, когда операция успешно завершилась, майор Щербаков, проводя разбор боевых вылетов, высоко оценил мужественные, отважные, самоотверженные действия Владимира Оболонина и его экипажа, поставил авиаторов в пример другим. За совершенный подвиг капитан Оболонин был представлен к высокой государственной награде.

Таких полетов на памяти Василия Васильевича немало. Сколько смелости, мужества, отваги требовалось, чтобы не дрогнуть под огнем мятежников, не отступить, остаться до конца верным воинскому и интернациональному долгу! Традиции войскового товарищества, боевого братства, унаследованные от летчиков времен Великой Отечественной войны, в небе Афганистана получили свое дальнейшее развитие. И то, что авиаторам эскадрильи зачастую приходилось рисковать собой, суровая реальность.

Однажды, двигаясь по маршруту над горами, Василий Васильевич почувствовал, как машину отчего-то тряхнуло. Возможно, попал бандитский снаряд.

— Посмотри, что там? — попросил он ведомого.

Тот приблизился, через полминуты доложил, что ничего опасного с летчиком-штурманом они не обнаружили. А вертолет устойчиво держался в воздухе. «Может, ничего страшного?» — подумал майор Щербаков, продолжая полет. Уже после посадки, когда принялись осматривать машину, обнаружили: один из тросов управления, тянувшихся к хвостовому винту, начисто перебит осколком снаряда, от другого осталось несколько прядей. «Да, вот так «ничего страшного!» — Василий Васильевич почувствовал в груди ледящий холодок. В самом деле, стоило этим немногим прядям оборваться и экипаж оказался бы в неуправляемой машине.

Много раз доводилось попадать вот в такие передряги, подвергаться опасности, но глубокое сознание своего воинского и интернационального долга, готовность сполна ответить на просьбу афганского народа о помощи помогали ему и его боевым товарищам поддерживать твердость духа и высокое самообладание. В критические минуты Щербакова всегда выручали мужество, хладнокровие, выдержка, незаурядное летное мастерство.

Военный летчик живет, конечно, не только полетами, Немало у него разных забот и на земле. А если ты командир, хлопот у тебя, как говорится, невпроворот. Майор В. Щербаков, возглавляя в Афганистане вертолетную эскадрилью, самостоятельно решал вопросы размещения людей, снабжения всем необходимым, занимался организацией организации обучения и воспитания, сплочения воинского коллектива, укрепления дружественных связей с местным населением. Не один, конечно, а со своими заместителями, активом.

Комэск, другие офицеры-руководители постоянно заботились о повседневных нуждах людей, поддерживали у них высокий боевой настрой, добивались непрерывности и повышения действенности партийно-политической работы. Когда возрастала интенсивность полетов или экипажам ставились какие-то наиболее ответственные задачи, партийные и комсомольские активисты вели разъяснительную работу, стремились личным примером увлечь за собой сослуживцев на достижение успеха.

Чуткий и внимательный к людям, тактичный и уважительный в обращении, майор Щербаков всячески поддерживал среди авиаторов атмосферу теплоты и доброжелательности, искреннего, заботливого отношения друг к другу, товарищеской взаимопомощи и выручки. Вместе с тем решительно пресекал малейшие нарушения дисциплины. Люди не стеснялись прийти к нему с открытым сердцем, поделиться с ним тем, что их беспокоит или тревожит, потому что знали: получают не туман туманное обещание, как иногда бывает, а конкретный деловой ответ, реальную помощь и поддержку.

Были недостатки у подчиненных, но Василий Васильевич предпочитал не отчитывать человека, а разъяснить ему причины его упущения, переубедить, если он заблуждался, поддержать доверием, уважительным отношением к нему. Это всегда находило положительный отклик у людей.

Случалось, что кто-то из новичков на первых порах не мог преодолеть психологический барьер, вставший перед ним при переходе от учебных полетов к боевым. И прямо, честно докладывал командиру.

— Ладно, полетишь в другой раз, когда будешь внутренне готов. А сейчас... Кто может подменить товарища? — обращался Василий Васильевич к более опытным летчикам.

Неприменно объявлялось несколько добровольцев. А спустя какое-то время тот молодой летчик, поборов в себе неуверенность, уже сам, если требовалось, выручал товарищей в трудную минуту, проявляя стойкость и мужество, смело шел на риск во имя общего дела.

Проходя службу в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане, военный летчик 1-го класса коммунист В. Щербаков блестяще справился с возлагавшимися на него обязанностями. За мужество и героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи Республике Афганистан, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 года майору В. Щербакову присвоено звание Героя Советского Союза. В августе того же года офицер стал слушателем командного факультета Военно-воздушной Краснознаменной ордена Кутузова академии имени Ю. А. Гагарина.

...И вот учеба закончена, но он под впечатлением этих лет, проведенных в академии. Всю дорогу домой разговор об этом. Дома нас встретила Галина Михайловна, его жена, миловидная, обаятельная, гостеприимная. Увидев, заторопилась, приглашая в комнату. Тотчас появился младший сын Щербаковых — Славик, родившийся уже здесь, в Монино, и названный по имени Ге-

роя Советского-Союза майора Вячеслава Гайнутдинова, боевого друга, не раз выручавшего Василия Васильевича в трудную минуту, когда вместе служили в Афганистане. Славик повис на руках отца, засыпал его вопросами. Отец отвечал ему серьезно, обстоятельно, как взрослому. И столь уважительное отношение к нему доставляло сыну особое удовольствие и радость.

Глядя на них, Галина Михайловна с улыбкой сказала:

— Славик души в отце не чаёт. Стоит ему появиться дома, не отходит от него...

У Щербаковых богатая библиотека. Классика, произведения современных писателей, мемуары выдающихся советских полководцев, учебная литература... Пока мы вели разговор о книгах, рассматривали снимки, перебирали газетные и журнальные публикации, из школы пришел старший сын Щербаковых — Евгений, рослый, крепкий, спортивного вида.

По отдельным репликам, малейшим нюансам поведения, реакции даже мне, впервые познакомившемуся с этой семьей, нетрудно было догадаться, что здесь царят отношения доброжелательности, уважения, предупредительности, такие отношения, при которых забота о ближнем возведена в высший принцип.

С той встречи прошли уже годы. Василий Васильевич ныне командир вертолетного полка. Ему присвоено очередное воинское звание — полковник.